

Эдгар Аллан По

Лягушонок

*Часть сборника
Золотой жук (сборник)*

Эдгар Аллан По
Лягушонок

«Public Domain»

1849

По Э.

Лягушонок / Э. По — «Public Domain», 1849

«Я в жизни своей не знавал такого шутника, как этот король. Он, кажется, только и жил для шуток. Рассказать забавную историю, и рассказать ее хорошо, – было вернейшим способом заслужить его милость. Оттого и случилось, что все его семь министров славились как отменные шуты...»

Содержание

Эдгар Аллан По Лягушонок

Я в жизни своей не знал такого шутника, как этот король. Он, кажется, только и жил для шуток. Рассказать забавную историю, и рассказать ее хорошо, – было вернейшим способом заслужить его милость. Оттого и случилось, что все его семь министров славились как отменные шуты. По примеру своего короля, они были крупные, грузные, жирные люди и неподражаемые шутники. Толстеют ли люди от шуток, или сама толщина располагает к шутке – этого я никогда не мог узнать доподлинно, но, во всяком случае, худощавый шутник – *raga avis in terris*¹.

Король не особенно заботился об утонченности или, как он выражался, о «духе» остроумия. В шутке ему нравилась главным образом *широта*, и ради нее он готов был пожертвовать *глубиной*. Он предпочел бы «Гаргантюа» Рабле «Задигу» Вольтера, и, в общем, ему больше нравились смешные выходки, чем словесные остроты.

В эпоху, к которой относится мой рассказ, профессиональные шуты еще не перевелись при дворах. В некоторых великих континентальных «державках» имелись придворные «дураки», носившие пестрое платье и колпак с погремушками и обязанные отпускать остроты по первому требованию за обедки с королевского стола.

Разумеется, и наш король держал при своей особе «дурака». Правду сказать, он чувствовал потребность в некоторой дозе глупости, хотя бы только в качестве противовеса к утомительной мудрости семи премудрых министров, не говоря уже о его собственной.

Однако его дурак – то есть профессиональный шут – был не *только* дурак. В глазах короля он имел тройную цену, потому что был и карлик и калека. Карлики при тогдашних дворах были явлением столь же обычным, как и дураки; и многие короли не знали бы, как скоротать время (а время при дворе тянется томительнее, чем где-либо), не будь у них возможности посмеяться над шутком или карликом. Но, как я уже заметил, шутники в девяноста девяти случаях из ста тучны, пузаты и неповоротливы, – ввиду этого наш король немало радовался тому, что в лице Лягушонка (так звали шута) обладает тройным сокровищем.

Я не думал, чтоб имя «Лягушонок» было дано этому карлику восприемниками при крещении, вернее всего, оно было пожаловано ему – с общего согласия семи министров – за его неумение ходить по-людски. Действительно, Лягушонок двигался как-то порывисто – не то ползком, не то прыжками; его походка возбуждала безграничное веселье и немало утешала короля, считавшегося при дворе красавцем, несмотря на огромное брюхо и природную одутловатость лица.

Но, хотя Лягушонок мог передвигаться по земле или по полу только с большим трудом, чудовищная сила, которой природа одарила его руки, как бы в возмещение слабости нижних конечностей, позволяла ему проделывать изумительные штуки, когда можно было уцепиться за ветки или веревки или надо было куда-нибудь взобраться. В таких случаях он больше походил на белку или обезьянку, чем на лягушку.

Я не знаю хорошенько, откуда был родом Лягушонок. Во всяком случае, из какой-то варварской страны, о которой никто не слышал и далекой от двора нашего короля. Лягушонок и молодая девушка, почти такая же карлица, как он (но удивительно пропорционально сложенная и превосходная танцовщица), были оторваны от своих родных очагов и посланы в подарок королю одним из его непобедимых генералов.

Немудрено, что при таких обстоятельствах между двумя маленькими пленниками возникла тесная дружба. В самом деле, они вскоре сделались закадычными друзьями. Лягушо-

¹ Редкая птица (*лат.*). – Цитата из «Сатир» Ювенала, римского поэта-сатирика (60-127).

нок, который, несмотря на свои шутки, отнюдь не пользовался популярностью, не мог оказать Трипетте больших услуг, но она благодаря своей грации и красоте пользовалась большим влиянием и всегда готова была пустить его в ход ради Лягушонка.

Однажды, по случаю какого-то важного события – какого именно, не помню, – король решил устроить маскарад; а всякий раз, когда при нашем дворе устраивался маскарад или что-нибудь в этом роде, Лягушонку и Трипетте приходилось демонстрировать свои таланты. Лягушонок был очень изобретателен по части декораций, новых костюмов и масок, так что без его помощи решительно не могли обойтись.

Наступил вечер, назначенный для этого *fvkte*. Роскошная зала была убрана, под надзором Трипетты, всевозможными эмблемами, способными придать *eclat*² маскараду. Весь двор томился в лихорадке ожидания.

О масках и костюмах всякий сам позаботился заранее. Многие приготовили их (в согласии с теми ролями, которые решили взять на себя) за неделю, за месяц; на этот счет ни у кого не было колебаний, кроме короля и семи министров. Почему они медлили, я не могу объяснить, – разве что для шутки, но, вернее, затруднялись придумать что-либо вследствие своей толщины. Однако время уходило, и в конце концов они послали за Лягушонком и Трипеттой.

Когда маленькие друзья явились на зов короля, он сидел со своими министрами в зале совета за бутылкой вина, но, казалось, был в очень дурном расположении духа. Он знал, что Лягушонок не любит вина, так как вино доводило бедного калеку почти до безумия, а безумие совсем не приятно. Но король любил подшутить и потому заставил Лягушонка (как выразилось его величество) «пить и веселиться».

– Поди сюда, Лягушонок, – сказал он, когда шут и его подруга вошли в комнату, – осуши этот стакан за здоровье своих отсутствующих друзей (Лягушонок вздохнул) и помоги нам своей изобретательностью. Нам нужны костюмы, *костюмы*, слышишь, малый, – что-нибудь новое, небывалое. Нам наскучило одно и то же. Ну же, пей! Вино прочистит тебе мозги.

Лягушонок попытался было ответить шуткой на любезности короля, но испытание оказалось слишком трудным. Был как раз день рождения бедного карлика, и приказание выпить за здоровье «отсутствующих друзей» вызвало слезы на его глазах. Тяжелые горькие капли закапали в кубок, когда с поклоном шут принял его из рук тирана.

– А! Ха! ха! ха! – загоготал последний, когда карлик с отвращением осушил кубок. – Вот что значит стакан хорошего вина! Сразу глаза заблестели!

Бедняга! Его глаза скорее засверкали, чем заблестели, потому что действие вина на его легко возбуждаемый мозг было сильно и мгновенно. Судорожным движением он поставил кубок на стол и обвел присутствующих уже полубезумным взглядом. Все, по-видимому, находили королевскую «шутку» крайне забавной.

– А теперь к делу, – сказал первый министр, человек очень тучный.

– Да, – подтвердил король, – помоги же нам, Лягушонок! Нам нужны характерные костюмы, милый мой! Нам всем не хватает характера, всем – ха! ха! ха! – И так как он всерьез считал это удачной шуткой, то все семеро принялись вторить его хохоту.

Лягушонок тоже засмеялся, но слабым и довольно бессмысленным смехом.

– Ну же, ну, – сказал король нетерпеливо, – неужели ты не можешь ничего придумать?

– Я стараюсь придумать что-нибудь *новое*, – ответил карлик почти бессознательно, так как вино совершенно затуманило ему голову.

– Стараешься? – воскликнул король с гневом. – Это еще что? А, понимаю! Тебе грустно оттого, что ты мало выпил. На, пей еще. – С этими словами он снова наполнил кубок до краев и протянул калеке, который только смотрел на него, с трудом переводя дух.

– Пей же, говорят тебе, – гаркнуло чудовище, – или, клянусь всеми чертями...

² Блеск (*фр.*).

Карлик медлил. Король побагровел от гнева. Придворные ухмылялись. Трипетта, бледная, как мертвец, приблизилась к трону короля и, упав на колени, умоляла пощадить ее друга.

В течение нескольких мгновений тиран глядел на нее вне себя от изумления. Он просто растерялся, не зная, как лучше выразить свое негодование по случаю такой дерзости. Наконец, не проронив ни слова, он оттолкнул ее изо всех сил и выплеснул ей в лицо содержимое кубка.

Бедная девушка кое-как оправилась и, не смеядохнуть, вернулась на свое место в конце стола.

Наступило гробовое молчание, продолжавшееся с полминуты; можно было услышать падение листка или пушинки. Тишина была прервана тихим, но резким и продолжительным скрежетом, который, казалось, раздавался изо всех углов комнаты.

– Что, что, что это за звук? Как ты смеешь скрежетать? – спросил король с бешенством, поворачиваясь к карлику.

По-видимому, опьянение последнего в значительной степени прошло; он спокойно и твердо взглянул на короля и воскликнул:

– Я? Да разве это я?

– Звук идет как будто снаружи, – заметил один из придворных. – Должно быть, это попугай, что висит в клетке за окном, вздумал точить клюв о прутья.

– Правда, – отвечал монарх, успокоенный этим замечанием, – но я готов был поклясться честью рыцаря, что скрипел зубами этот бездельник.

Тут карлик рассмеялся (король был слишком признанным шутником, чтобы рассердиться на чей-либо смех), обнаружив ряд огромных, сильных и безобразных зубов. Мало того, он изъявил готовность пить сколько угодно. Монарх угомонился; и Лягушонок, осушив еще кубок без всяких заметных последствий, тут же с жаром приступил к обсуждению вопроса о маскараде.

– Не могу вам объяснить, в силу какой связи идей, – заметил он совершенно спокойно, точно и не прикасаясь к вину, – но сейчас же *после того*, как ваше величество ударили девушку и плеснули ей в лицо вином, – сейчас же *после того*, и в ту самую минуту, когда попугай так странно заскрежетал клювом, мне вспомнилась чудесная забава, очень принятая на моей родине, на наших маскарадах, но совершенно неизвестная здесь. К несчастью, для нее требуется восемь человек, и...

– Да *вот* они! – воскликнул король, радуясь своей остроумной выдумке. – Ровнехонько восемь – я и мои семь министров. Продолжай! Какая же это забава?

– Мы называем ее, – отвечал калека, – *Восемь орангутангов в цепях*. И если хорошо разыграть, то зрелище получится презабавное.

– Мы разыграем ее, – заметил король, приосанившись и опуская веки.

– Главная прелесть игры, – продолжал Лягушонок, – в том, что она пугает женщин.

– Превосходно! – проревели хором монарх и министры.

– Я наряжу вас орангутангами, – продолжал Лягушонок, – предоставьте это мне. Сходство будет так поразительно, что все примут вас за настоящих обезьян и, разумеется, будут страшно испуганы и удивлены.

– О, это великолепно! – воскликнул король. – Лягушонок, я награжу тебя по-королевски.

– А цепи своим бряцанием еще увеличат суматоху. Будет пущен слух, что все вы убежали от своих сторожей. Ваше величество может себе представить, какой эффект произведет появление на маскараде восьми орангутангов, которых публика примет за настоящих, когда они бросятся с диким визгом в толпу разряженных дам и кавалеров. Контраст получится бесподобный.

– Так и сделаем, – сказал король.

Было уже поздно, и потому совет немедленно принят был приводить в исполнение выдумку Лягушонка.

Средства, с помощью которых он хотел нарядить всю компанию орангутангами, были очень примитивны, но вполне годились для целей Лягушонка. В то время животные, о которых идет речь, редко привозились в цивилизованные страны; и так как костюмы, придуманные карликом, придавали наряженным в них действительно звероподобный и достаточно отвратительный вид, то публика могла принять их за настоящих обезьян. Прежде всего король и министры надели трико в обтяжку. Затем их вымазали дегтем. Один из них посоветовал употребить перья, но это предложение было отвергнуто карликом, который убедил всех восьмерых, что для шерсти такого зверя, как орангутанг, лучше всего воспользоваться *пенькой*. Густой слой пеньки был наклеен на деготь. Затем достали длинную цепь. Сначала ее обвили вокруг талии короля и заклепали, потом вокруг талии одного из министров и тоже заклепали, – и так далее, пока не сковали друг с другом всех. Когда все ряженные были соединены цепью, то, став как можно дальше друг от друга – насколько позволяла цепь, – они образовали круг. Дабы усилить правдоподобие, Лягушонок натянул оставшийся конец цепи поперек круга, крест-накрест, как делают в наше время охотники, занимающиеся ловлей шимпанзе и других крупных пород обезьян на Борнео.

Большая зала, предназначенная для маскарада, была высокая и круглая, с единственным окном в потолке. Ночью (зала предназначалась преимущественно для ночных увеселений) она освещалась огромной люстрой, висевшей на цепи, прикрепленной в центре окна. Люстру, как обычно, поднимали и опускали с помощью блока, но последний, чтобы не портить вид залы, находился снаружи здания.

Убранство залы было поручено Трипетте, хотя в некоторых частностях она, очевидно, пользовалась указаниями своего более изобретательного друга-карлика. По его совету люстра была снята. Восковые свечи (которые не могли не таять при такой жаре) причинили бы серьезный ущерб роскошным костюмам гостей, ибо в зале было так тесно, что середина ее, прямо под люстрой, тоже не осталась бы пустой. Взамен люстры в различных местах залы – так, чтобы не мешать публике, – были поставлены канделябры, а в правой руке каждой кариатиды – их было пятьдесят или шестьдесят, высившихся вдоль стен, – укреплен был благовонный факел.

Восемь орангутангов, по совету Лягушонка, терпеливо дожидались полуночи (когда зала наполнится гостями). Но лишь только затих бой часов, они разом ворвались, или, скорее, вкатились в залу, ибо из-за цепи все они спотыкались и падали.

Переполох среди гостей был страшный и привел короля в восторг. Как и ожидали, большинство гостей приняло ряженных если не за орангутангов, то, во всяком случае, за каких-то настоящих зверей. Многие дамы попадали в обморок, и, если бы король не запретил являться на маскарад с оружием, веселая компания могла бы поплатиться жизнью за свою проказу. Все тут же кинулись к выходу, но король заранее приказал замкнуть двери, едва ряженные войдут в залу, а карлик предложил отдать ключи ему.

Когда суматоха достигла крайней степени и каждый думал только о своем спасении (так как давка, начавшаяся среди обезумевшей толпы, *действительно* угрожала опасностью), цепь, на которой висела люстра и которая была поднята к потолку, мало-помалу опустилась так, что конец ее, загнутый в виде крюка, оказался на расстоянии трех футов от пола.

Вскоре после этого король и его семеро товарищей, кружившие по зале, в конце концов очутились на ее середине, под самой цепью. Лишь только они очутились здесь, карлик с молниеносной быстротой подцепил их крюком в том месте, где пересекались две поперечные цепи. В ту же минуту какая-то невидимая сила подняла цепь от люстры и вместе с нею орангутангов, повисших рядком, лицом к лицу.

Тем временем гости несколько оправились от первого испуга и, сообразив, что это только ловко разыгранная шутка, захохотали при виде комического положения обезьян.

– Предоставьте их *мне*, – завизжал Лягушонок, покрывая своим пронзительным голосом даже эту суматоху. – Предоставьте их *мне*. Кажется, я знаю их! Дайте только взглянуть на них, и я скажу вам, кто они!

Тут он пробрался по головам зрителей к стене, выхватил факел у одной из кариатид, вернулся обратно, прыгнул с ловкостью обезьяны на голову королю, вскарабкался по цепи и, очутившись над орангутангами, осветил их факелом, продолжая восклицать:

– Сейчас я узнаю, кто они!

Внезапно, когда толпа и сами орангутанги помирали со смеху, он пронзительно свистнул – и цепь быстро поднялась футов на тридцать, увлекая за собой испуганных, барахтавшихся обезьян, повисших между полом и потолком. Лягушонок, поднимавшийся вместе с цепью, оставался на прежнем расстоянии от восьми ряженных и по-прежнему (будто ничего не случилось) освещал их факелом, точно старался рассмотреть, кто они.

Публика была так поражена этим подъемом, что на минуту водворилось гробовое молчание. Оно было нарушено тихим, резким, *скрежещущим* звуком – таким же, как тот, что поразил слух короля и его министров, когда король выплеснул вино в лицо Трипетте. Но теперь нечего было и спрашивать, *откуда* он исходит. Его издавали страшные зубы карлика, который с пеной у рта скрипел и скрежетал ими, устремив бешеный взгляд на обращенные вверх лица короля и его семи министров.

– Ха, ха! – захохотал вдруг разъяренный шут. – Ха! Ха! Я начинаю узнавать этих людей!

Тут, как бы желая получше рассмотреть короля, он поднес факел к его пеньковой одежде, и она мгновенно вспыхнула ярким пламенем. Не прошло и минуты, как все восемь орангутангов уже пылали – при криках толпы, которая в ужасе смотрела на них снизу, бессильная оказать им какую-либо помощь.

Усиливавшееся пламя заставило карлика взобраться повыше, и, пока он поднимался по цепи, толпа опять на мгновение смолкла. Воспользовавшись этим, карлик снова крикнул:

– Теперь я вижу *ясно*, что за люди – эти ряженные. Это великий король и его семь советников! Король, который не постыдился ударить беззащитную девушку, и семь его советников, которые одобрили эту выходку! А я – я просто Лягушонок, шут, и *это моя последняя шутка*.

Пенька и смола воспламеняются быстро, и мщение карлика завершилось прежде, чем он успел закончить свои слова. Восемь тел висели на цепи – смрадная, черная, отвратительная, неразличимая масса. Калека швырнул в них факел, взобрался по цепи на потолок и исчез в окне наверху.

Полагают, что Трипетта, находившаяся на крыше, помогала своему другу в его огненной мести и что они бежали на родину, так как с тех пор их никто не видел.